

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

Три прогулки по бытию

Окна

Уж жизнь едва держится на плаву,
того и гляди смежит очи в бозе,
а я всё не знаю, за что живу,
за что высматриваю по-стрекозы

из мутного от непогод стекла
в распахнутых настёжь ресничных рамах,
куда это жизнь от меня ушла
по стёжкам-дорожкам своим туманным.

Быть может, она обернётся вслед,
помашет платочком, пока не поздно,
пока лебединый не смолк куплет

на озере тихом моём и слёзном.

Смотрю и не вижу вокруг ни зги,
лишь вид законный привычно жуток:
пьянчуги в подъезде, спустив портки,
собой наполняют пустой закуток.

На скрюченной улице ребяшня
гоняет ушедших времён обломки...
Ах, если б хоть искра её огня,
хоть тень промелькнула в раскосой кромке!..

Старуха-мешочница жмёт плечом,
рысит на базар, благо ноги носят,
а я до сих пор не знаю, о чём
живу на земле за осенью осень.

Унылых домишек встречает ряд,
иные главой не покрыты даже.
Их стены сочувственно мне молчат,
и двери скрипучие ввек не скажут —

за горы какие, за рубежи,
какими дождями иду, промокнув...
В какие края отживу, не жив,
но в жизнь наглядясь по самые окна!

За город

Вырвусь за город, всё надоело —
вязкий воздух, трамвайный трезвон
и ослиных ушей новодела,
взмывших в небо, победный Видон!

Вырвусь компаса без и без карты,
чепухой, как игрушка, набит,
из оскаленной пасти декартовой
и из лапищ евклидовых плит.

Укачу на волнистые тропки
и до слёз на кривые луга,
и в лесочек негаданно топкий,
и к нестройным речным берегам.

Где рублём перемолвиться не с кем,
не предаться гордыней родству,

где ласкает зрачки Лобачевский,
открывая глаза наяву.

Побродяжничаю по привольям,
отдышу за былое и впредь,
и вернусь, под мгновений конвоем,
среди стен и углов умереть!

Видно, нет таких сил лошадиных,
видно, лисий не выдуман ход –
сняться с мест, где нас правит рейшина,
где нас циркулем к свету ведёт.

Апельсины

Мы не знали, что мы – апельсины,
из глубин пробиваясь длинных
без оглядки на зной и дождь –
на ступени оранжевых рощ.

Мы не знали, первенцы-листья
закачав на руках ветвистых,
о чём ветрено нам шелестят
языки зеленеющих чад.

Мы не знали, оранжевея
в поднебесных оранжереях,
отливаясь в калибр светил,
что взбираемся на пути,

где и чахлым солнечным зайцем
не светило бы нам прозваться...
что шагни мы в корзину невода,
и рассветного солнца вода

заручьит, зажурчит спросонок
меж волокон и перепонок,
в наш пещерный ночной очаг с
первобытным огнём – стучась,

что водицею тою дикой
мы сольёмся, как пара бликов...
нет, не бликов... как пара солнц! –
животворных лучей пропойц.

Загоримся в безумном танце

до эллинских календ остаться
неопалимеей, чем купина,
ярче сириусов!.. А она,

нас едва облизав пожаром,
по клепсидрам секунд поджарых
утечёт, не оставив следа, —
как закатного солнца вода...

Мы не знали, теряя силы,
что нет разницы апельсинам —
майской буре сосватать цветок
или с меткой родных марокк

в арестантский забиться ящик,
или, выбродив в пунш пьянящий,
пенной жертвой бахусных жатв
по желудкам чужим лежать.

Задыхаясь от цедры горькой,
мы не знали, что мы лишь — корки,
племя чаш, изобилия рог,
апельсиновый блудный сок!

Что удел наш, слюбившись с болью,
зачерстветь среди пугал мольих
в рукаве ли, в кармане чьём...
Спи спокойно, солнце моё!

Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему portalу.

Степанов Г. И. Очерки истории философии. М.: Высш. шк., 1989. 208 с.

СПА